

Е.Г. САКОВИЧ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 г.**

Излагаются взгляды современных российских и англо-американских авторов на проблему инцидента, имевшего место в Венгрии в 1956 г. Рассматриваются формирование и трансформация оценок российскими и зарубежными исследователями причин, хода и результатов венгерского кризиса 1956 г., анализируются основные закономерности смены историографических парадигм в современной российской и зарубежной историографии, выявляются причины, предопределившие направленность изысканий российских и зарубежных исследователей, и перспективные направления дальнейшего изучения проблематики.

The article is devoted to the problem of analyzing sights of modern Russian and Anglo-American authors on the problem of the Hungarian incident. The author analyzes the formation and the transformation of the estimations of the Russian and foreign researchers of the reasons and the results of the Hungarian crisis of 1956. The author reveals the basic laws of change of paradigms in a modern Russian and Anglo-American historiography and underlines perspective directions of the further studying of the Hungarian crisis.

Изучение событий, произошедших в конце октября – начале ноября 1956 г. в Венгрии, занимало одно из центральных мест в современной российской англо-американской историографии. Интерес как российских, так и зарубежных ученых к проблематике стимулировал появление работ нового уровня, охватывающих различные аспекты «будапештской осени» 1956 г. Российский исследователь Т.М. Исламов, акцентируя внимание на этапах развития российской историографии венгерского инцидента, писал, что «поворот от старой, советской концепции венгерских событий, в основе которых лежал мощный взрыв народного возмущения деспотическим режимом, от жалких попыток объяснить восстание ошибками и просчетами режима к принципиально новой интерпретации связан с появлением в 80–90-х гг. новых исследований историков»¹. По мнению автора, в работах, появившихся в период с конца 1980-х и до середины 1990-х гг., отсутствует всесторонний анализ кризиса по той причине, что необходимые документы российских архивов не были еще рассекречены. Новый этап российской историографии, начавшийся с середины 1990-х гг., характеризуется введением в научный оборот крупных массивов документов ведущих московских архивов вплоть до самого недоступного из них – «Президентского архива», что в итоге позволило ученым осветить различные аспекты венгерского инцидента².

Изучение проблематики российскими исследователями велось в нескольких измерениях. Во-первых, перед учеными стояла задача поиска соответствующего определения событиям 1956 г. и выявления их причин. Во-вторых, проблемным выглядел вопрос анализа деятельности советского руководства во время урегулирования инцидента. И наконец, исследователей интересовал вопрос, касающийся итогов венгерского кризиса.

Поиск соответствующей дефиниции венгерским событиям в российских академических кругах сопровождался активной полемикой. Часть исследователей настаивали на утверждении о необходимости использования термина «венгерское восстание», другие акцентировали внимание на первостепенной значимости определения «венгерский кризис»³. Достаточно интересную точку зрения высказал Т.М. Исламов, по мнению которого ученым не следует однозначно отрицать широко распространенный тезис советской историографии об «антисоциалистическом путче»⁴. Автор подчеркивал, что «в определении “антисоциалистический” известная доля истины имеется. Ибо не замечать в венгерском движении 1950-х гг. с его сложной социально-политической структурой наличия элементов, групп и лиц, ориентировавшихся на принципиальное отрицание социализма как такового, социа-

лизма любой модели и оттенка вплоть до демократического... не менее антинаучно и необъективно, как и прежняя господствовавшая в СССР и ВНР трактовка событий»⁵. В ходе продолжительных дискуссий единой точки зрения так и не было выработано. Плюрализм в определениях венгерских событий в российских академических кругах с течением времени стал восприниматься как должное.

Относительно проблемы выявления причин событий 1956 г. в академической среде российских исследователей расхождения во мнениях не наблюдалось, однако в оценке роли СССР в начале кризиса некоторая поляризация существовала. Причины восстания большинство ученых (Ю.С. Новопашин, В.М. Алексеев, А.Е. Блохина, В.М. Мусатов) видели в сложившейся системе советско-восточноевропейских отношений после второй мировой войны⁶. Анализируя деятельность советского руководства по отношению к Венгрии в «предкризисный период», В.М. Мусатов и Ю.С. Новопашин утверждали, что СССР, первоначально не стремившийся к полной смене политического строя в странах Восточной Европы, после 1947–1948 гг. по мере наступления «холодной войны» и усиления антиюгославской кампании был вынужден пересмотреть прежнюю политику. С точки зрения авторов, именно под воздействием «внешних факторов» советское руководство в период с 1949 по 1953 г. проводило курс, направленный на ускорение коренных преобразований в регионе, имевших итогом бездумное копирование сталинской модели социализма⁷. Пытаясь оправдать «восточноевропейскую» политику нового советского лидера Н.С. Хрущева, пришедшего к власти в 1953 г., ученые утверждали, что в Кремле в то время однозначно понимали необходимость демократизации социалистических стран Восточной Европы, в том числе и Венгрии. Успешной реализации планов помешал ряд факторов, среди которых авторы называли доминирование сталинской гвардии в ЦК, значительную роль военных и постоянную конфронтацию с США⁸.

Критического мнения по поводу наличия у Н.С. Хрущева определенного плана действий по отношению к соцстранам придерживалась А.Е. Блохина. Она утверждала, что «горячая фаза советизации» 1949–1953 гг. сменилась полной растерянностью нового советского руководства в 1953 г., которое оказалось неспособным адекватно оценивать сложившуюся ситуацию в Венгрии. Советская инициатива в виде кратковременного назначения И. Надя главой правительства привела к полной дестабилизации ситуации в стране⁹. Более того, автор считала, что и после отстранения И. Надя от власти весной 1955 г. и вплоть до июля 1956 г. руководство СССР фактически самоустранилось от активного участия в венгерских делах, не реагировало на углубление негативных явлений вследствие восстановления в стране ракошизма, на обострение внутривластной борьбы в Венгрии, вызванной резкой активизацией антиракошистских сил¹⁰.

А.С. Стыкалин и Е.Д. Орехова считали, что на первый взгляд можно утверждать о несвоевременной реакции советской стороны на события в Венгрии. К этому располагают непосредственно донесения дипломатов из Будапешта, датированные 6 октября, в которых невозможно найти предложений о принятии советским правительством определенных мер, способных повлиять на развитие венгерских событий. Причина такого поведения, по мнению авторов, заключалась в том, что на первое место советское руководство вплоть до 23 октября выдвигало «польский вопрос», где как раз в эти дни достигла апогея борьба за демократические преобразования¹¹.

Более сдержанно политику СССР по отношению к Венгрии накануне восстания оценивал Б.И. Желицки. Анализируя политическую ситуацию в СССР и в ВНР после смерти Сталина, ученый писал, что реформаторские начинания И. Надя наряду с аналогичными начинаниями Н.С. Хрущева в случае их последовательной реализации могли бы открыть путь для строительства демократического социализма. Однако в СССР, как и в ВНР, они потерпели неудачу по причине слабости реформаторских сил в партии и обществе в целом. Непреодолимой преградой на пути демократизации общественно-политической жизни в Венгрии, по мнению исследователя, являлась прежде всего политика, проводимая М. Ракоши. С точки зрения ученого, роль СССР в начале кризиса заключалась в том, что советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым сделало ставку на силы ракошистов, не желавших реального обновления¹².

Не меньший интерес исследователей вызывал вопрос, связанный с анализом политической ситуации в Венгрии в период с февраля по июль 1956 г. В современной российской историографии венгерского инцидента указанный период весьма часто оценивался как упущенная возможность своевременной стабилизации ситуации. Б.И. Желицки признавал, что после XX съезда КПСС в Венгрии открылась новая возможность для решения сложных внутривластных проблем, приостановления движения к пропасти. Однако М. Ракоши и его окружение оказались неспособными воспринять и реализовать новые идеи, чем еще больше усугубили надвигающийся кризис. Согласно утверждению автора, в Венгрии, равным образом как и в СССР, слишком поздно, только к июльскому пленуму ЦК ВПТ, осознали необходимость перемен и выведения М. Ракоши из высшего партийного руководства¹³. В. Мусатов, рассматривая проблему в исторической перспективе, отмечал, что если бы в июле 1956 г. премьер-министром стал И. Надь, а первым секретарем ЦК партии – Я. Кадар, то события в стране могли бы перейти в управляемое русло. Однако руководство СССР на июльском пленуме

постоянно прислушивалось к мнению консервативно-догматического большинства руководства ВПТ, и в итоге первым секретарем был назначен Э. Гере¹⁴. Противоположной точки зрения придерживался А.И. Пушкаш, считавший, что советское правительство всегда поддерживало тех, кто не намеревался ломать патерналистскую модель отношений, покушаться на ведущую роль КПСС и СССР. Именно в силу этих причин вначале ставка советского руководства была сделана на Э. Гере, а затем, уже в дни кризиса, вновь на И. Надя, но когда последний пошел на разрыв с Варшавским Договором, оно сделало ставку на Я. Кадара¹⁵.

Относительно проблемы анализа деятельности советского руководства по урегулированию инцидента в современной российской историографии существовало несколько точек зрения. Некоторые ученые утверждали, что силовой вариант решения вопроса был предопределен изначально, другие рассматривали его в качестве вынужденной меры¹⁶. В связи с этим особую остроту в академических кругах приобрела проблема обсуждения «Декларации об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами» от 30 октября, в которой были подвергнуты критике деформации разного рода и выражена готовность строить равноправные отношения. По мнению А.С. Стыкалина, декларация от 30 октября представляла собой мирный вариант решения проблемы и являлась осмыслением советским руководством идеи о необходимости пересмотра всей системы отношений с восточноевропейскими странами. Решающую роль в выборе силового варианта автор видел во влиянии внешних факторов, первостепенное значение среди которых отводил суэцкому кризису. Ученый считал, что именно суэцкий кризис конца октября был воспринят в Кремле как симптом недопустимого ослабления советского влияния в мире, побудив тем самым руководство СССР к демонстрации силы. Таким образом, 31 октября советское руководство было вынуждено готовить новую военную акцию. Однако для СССР вторжение в Венгрию имело обратный результат, так как на смену свергнутому правительству И. Надя пришло новое во главе с Я. Кадаром, склонное к тяжелому компромиссу с Москвой¹⁷. В. Мусатов, соглашаясь по многим позициям с А.С. Стыкалиным, утверждал, что мирный вариант советским руководством первоначально рассматривался как основной, но, пока готовились предложения на политическое урегулирование, военный вариант возобладал. Основную причину поворота СССР к силовому варианту автор видел в неспособности И. Нады справиться с ситуацией, что в итоге натолкнуло Н.С. Хрущева на мысль о смене главы правительства. Следовательно, для поддержки создаваемого нового правительства во главе с Я. Кадаром требовалось массированное и быстрое вторжение советских войск в Венгрию¹⁸.

Тем не менее не все исследователи имели однозначное мнение насчет выбора методов и путей разрешения венгерского инцидента. Т. Исламов утверждал, что силовое решение было изначально предопределено и мирные средства урегулирования кризиса советским правительством даже не рассматривались. Оценивая декларацию от 30 октября, ученый называет ее «поспешно состряпанным документом». По словам автора, уже в тот момент, «когда писались словесные признания в приверженности к демократии, в штабах советских вооруженных сил шла лихорадочная подготовка к подавлению свободной Венгрии»¹⁹. Альтернативная точка зрения на пути разрешения советским руководством венгерского инцидента была высказана А.Е. Блохиной. Она полагала, что частью советского плана «наведения порядка» в Венгрии стали не только готовящиеся военные акции, но и политические, с опорой на Я. Кадара. Сложный и противоречивый реставрационный процесс осуществлялся как методами репрессий, так и путем нахождения компромисса²⁰.

Анализируя итоги венгерского кризиса 1956 г., ученые сходились во мнении в том, что этот инцидент заставил советское руководство критичнее оценить ситуацию в соцстранах и свои собственные действия во время его урегулирования. Более того, в результате кризиса престиж СССР на международной арене был подорван. Силовое поддержание баланса между СССР и США, а также обеспечение мира «с позиции силы» после событий в Венгрии стало основной линией внешнеполитического поведения Советского Союза²¹.

Современные англо-американские исследователи проявляют не меньший интерес к анализу венгерского кризиса 1956 г. Изучение событий в Венгрии активно проводилось еще в классической советологии, однако современная англо-американская историография, или постклассическая советология, нижняя граница которой определяется 1991 г., предложила новые направления в рассмотрении проблематики²². Повышенное внимание к событиям 1956 г. объясняется, с одной стороны, открывшимися возможностями перед новым поколением исследователей, связанными с доступом к архивам «бывшего коммунистического блока», а с другой – стремлением дополнить и, возможно, пересмотреть работы предшественников.

Профессор Техасского университета Й. Гранвилль, специализирующаяся на изучении «социализма восточноевропейского типа», выявляя успехи и неудачи классической советологии в рассмотрении проблематики, утверждала, что в указанный период изучение вопроса учеными проводилось в основном в плоскости анализа трансформации отношений по линии СССР – Венгрия в период с 1953 по

1956 г. Согласно утверждению автора, «классические советологи» рассматривали развитие двусторонних отношений с позиции преобладания в государствах социалистического блока монолитных отношений, регулируемых Москвой. Этим и объясним их интерес к детальному изучению политической ситуации в Венгрии накануне восстания и тем более советских мер по урегулированию инцидента 1956 г. Остановившись на определении перспективных направлений в изучении проблематики, Й. Гранвилль отмечает, что современным исследователям особое внимание следует обратить на поиск предпосылок, приведших к кризису и возможности проведения сравнительного анализа событий 1956 г. в Венгрии и Польше²³.

По поводу причин венгерского инцидента в академической среде англо-американских исследователей имелись противоположные точки зрения в отличие от российских коллег, однозначно выведших их из системы послевоенных отношений СССР и Венгрии. Некоторые ученые причины инцидента 1956 г. видели во враждебном отношении венгров к России на протяжении нескольких столетий. Наиболее последовательно эту идею отстаивала Й. Гранвилль. Автор считала, что «глубокие корни событий, произошедших в 1956 г., кроются в вековой неприязни венгров к русскому государству», поскольку, в отличие от поляков, территории которых были под непосредственным управлением русских, ни одна часть венгерских земель никогда не находилась под прямым контролем России. В итоге сталинизм, как следует со слов Й. Гранвилль, являлся чужеродной моделью, навязанной Венгрии извне и проявившейся с большей силой, чем в других странах «социалистического лагеря»: развернувшиеся здесь в 1940–1950-е гг. репрессии имели более затяжной и жесткий характер, что вызвало негодование венгерского общества²⁴. Такое утверждение разделялось отнюдь не всеми исследователями. В. Таубман и Т. Кокс отмечали, что истинные корни беспорядков 1956 г. лежат в неприязни венгров к навязанной им после Великой Отечественной войны власти И.В. Сталина, который, в свою очередь, «насильственными методами сформировал коммунистические правительства в Польше и Венгрии»²⁵. В. Таубман и Т. Кокс, соглашаясь с Й. Гранвилль в том, что сталинизм в Венгрии проявился с большей силой, чем в Польше, отмечали, что причину этого следует искать в непосредственной деятельности польского и венгерского коммунистических лидеров в послевоенный период. Авторы подчеркивали, что коммунистическое руководство Польши, возглавляемое Б. Берутом, старалось смягчить худшие стороны сталинизма, включая насильственную коллективизацию, и воспротивилось физическому уничтожению репрессированного коммуниста В. Гомулки. В отличие от Б. Берута венгр М. Ракоши действовал иначе: он подражал И.В. Сталину во всем, в том числе и в организации показательного процесса и казни своего соперника Л. Райка²⁶.

Наряду с поиском причин начала венгерского инцидента наиболее пристальное внимание англо-американских исследователей привлекла проблема, связанная с возможностью сопоставления венгерских событий 1956 г. с произошедшими в тот же год событиями в Польше. При этом интерес ученых вызывал анализ личностей И. Надя и В. Гомулки. Англо-американские авторы, пытавшиеся ответить на вопрос, почему итогом кризиса в Польше стало то, что В. Гомулка остался во главе Польской рабочей партии, а в итоге венгерского кризиса И. Надя заменил Я. Кадар, считали, что причина кроется в персональных качествах обоих лидеров²⁷. Многие авторы (Т. Кокс, С. Гейти, Р. Тоукс, В. Таубман, Й. Гранвилль) предпочитали искать сходство и различие между В. Гомулкой и И. Надем. В частности, Т. Кокс полагал, что И. Надя, как и В. Гомулка, на первый взгляд являлся жертвой сталинских репрессий и, как и Гомулка, вернулся к власти на волне народного возмущения. Но очень скоро И. Надя увидел, что он не находит поддержки в партии по причине его сильной зависимости от «советских хозяев»²⁸. Неоднозначно оценивая И. Надя, В. Таубман утверждал, что венгерский премьер был не так умен, как В. Гомулка, но всегда пользовался большей популярностью в Венгрии, чем тогдашний премьер Э. Гере. Как и российский исследователь В. Мусатов, В. Таубман считал, что, «если бы Кремль вовремя заменил М. Ракоши И. Надем, у Венгрии тоже был бы шанс перейти к более умеренному социализму мирным путем»²⁹. С точки зрения Й. Гранвилль, И. Надя, в отличие от В. Гомулки, «всегда имел идеалистические представления насчет дальнейшего развития социализма в Венгрии. Его убежденность заставляла упрямо отстаивать свою правоту, что в итоге привело к тому, что его не поддержала не только советская сторона, но и однопартийцы»³⁰.

Рассматривая итоги кризиса, англо-американские исследователи сходились во мнении, что он имел результатом дестабилизацию всей социалистической системы, что вынудило советское руководство искать соответствующие подходы для формирования отношений нового уровня с «социалистическими сателлитами». Значимость дальнейшего изучения венгерского инцидента была сформулирована британским исследователем Т. Коксом, который утверждал, что «ученые по сей день традиционно сохраняют интерес к венгерскому кризису 1956 г., так как он был самым глубоким и заставившим СССР пересмотреть не только советско-венгерские отношения, но и внутриблоковые в целом».

Исследования событий в Венгрии в 1956 г. в современной российской и англо-американской историографии имели несколько основных направлений. Российские исследователи рассматривали пре-

имущественно причины венгерского инцидента и непосредственно деятельность советского руководства по его урегулированию. Интерес англо-американских исследователей событий в Венгрии находился в плоскости анализа причин начала кризиса и возможности его сопоставления с произошедшим в тот же год кризисом в Польше. В целом российские и англо-американские исследователи выработали новые подходы в анализе проблематики и очертили перспективные направления для дальнейшего ее изучения.

¹ Исламов Т. М. Венгерское восстание в отечественной историографии // ВИ. 1997. № 11. С. 50.

² Там же. С. 52.

³ См.: Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 12.

⁴ См.: Исламов Т. М. Указ. соч. С. 52.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ См.: Венгрия 1956 г. Очерки истории кризиса. М., 1993; Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997; Алексеев В. Венгрия – 1956: прорыв цепи. М., 1996.

⁷ См.: Мусатов В. Указ. соч. С. 16.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ См.: Блохина А. Е. Венгерские события 1956 г. в оценке советского правительства и мирового сообщества: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ См.: Стыкалин А. С., Орехова Е. Д. Венгерские события 1956 года в позиции советского руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. 1994. № 3. С. 55.

¹² См.: Желицки Б. Й. Назревание общественного недовольства и политического кризиса в Венгрии в первой половине 50-х годов. Попытки и упущенные возможности его преодоления // Венгрия 1956 г. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 48.

¹³ См.: Желицки Б. Й. Временное торжество и крах ракошизма. «Новый» политический курс и дальнейшее углубление кризиса в Венгрии (март 1955 – октябрь 1956 г.) // Там же. С. 55.

¹⁴ См.: Мусатов В. Указ. соч. С. 29.

¹⁵ См.: Пушкаш А. И. Двенадцать дней осени 1956 г. (23 октября – 4 ноября) // Венгрия 1956 г. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 106.

¹⁶ См.: Стыкалин А. С. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 г. // ВИ. 1998. № 10. С. 174.

¹⁷ Там же. С. 175.

¹⁸ См.: Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 53.

¹⁹ Стыкалин А. С. Указ. соч. С. 173.

²⁰ См.: Блохина А. Е. Указ. соч. С. 118.

²¹ Там же.

²² См.: Granville J. To Invade or Not Invade? A New Look at Gomulka, Nagy, and Soviet Foreign Policy in 1956 // CSP. 2001. Vol. XLIII. № 4. P. 437.

²³ См.: Granville J. The First Domino: Decision-Making during the Hungarian Crisis. Texas, 2004. P. 37.

²⁴ Ibid. P. 3.

²⁵ Таубман В. Хрущев. М., 2006. С. 318. (ЖЗЛ); Cox T. Hungary 1956: Forty Years On. London, 1997. P. 98.

²⁶ Там же; Cox T. Hungary 1956... P. 99.

²⁷ См.: Cox T. Hungary 1956: Forty Years On. London, 1997; Gati C. Failed Illusions: Moscow, Washington, Budapest, and the 1956 Hungarian Revolt. Stanford, 2006; Tokes R. Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change and Political succession, 1957–1990. Cambridge, 1996; Таубман В. Хрущев. М., 2006. (ЖЗЛ); Granville J. The First Domino: Decision-Making during the Hungarian Crisis. Texas, 2004.

²⁸ Cox T. Op. cit. P. 121.

²⁹ Таубман В. Хрущев. М., 2006. С. 324. (ЖЗЛ).

³⁰ Granville J. Op. cit. Texas, 2004. P. 24.

Поступила в редакцию 28.01.11.

Екатерина Георгиевна Сакович – аспирантка кафедры истории России. Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент, профессор В.И. Меньковский.